

ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Г.Р. Консон

DOI: 10.7256/1999–2793.2014.5.11517

КАРДИНАЛ ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР — ИДЕОЛОГ УБИЙСТВА, ПОДДЕРЖАННЫЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Аннотация. Предмет исследования — сущность идеологии кардинала Великого Инквизитора в одноименной поэме Ивана Карамазова, где престарелый иезуит критикует самопожертвование Иисуса во имя свободы человечества и противопоставляет ему как единственно возможную, пришедшую на смену учению Христа идею государственной власти и насилия, фактически обожествляя три силы — авторитет, чудо и тайну. Избранный в исследовании ракурс даёт возможность его автору прояснить специфику созданного Достоевским фундаментального концепта образа Великого Инквизитора, заключающуюся в его метадемонизации.

В методе исследования интегрированы несколько типов анализа — этико-философский, психологический, литературный, а также компаративный, которые в совокупности дают возможность раскодировать сущность демонистики в представителе католической власти.

Научная новизна — в авторской философии, в которой кардинал Великий Инквизитор, с одной стороны, уподобляется охотившемуся за человеческими душами дьяволу, но, в отличие от него, в своих мечтах о единовластии видит преобразованное «счастливое» общество в масштабах всего мира, причём без угрызений совести, с сожжённым за не-надобность Христом. Поэтому в цинизме такого вселенского размаха иезуит оказывается страшнее обычного дьявола, представляя собой всеокрушительную ариманическую силу. В итоге автор делает вывод, что Великий Инквизитор является источником катастрофизма, поскольку для православного человека религия без Христа — это нонсенс, абсурд, потому что образ Бога для России всегда служил мерилем духовности и нравственной чистоты.

Ключевые слова: Бог, Христос, церковь, католичество, Великий Инквизитор, человек, дьявол, искушение, свобода, религия и мораль, авторитет, чудо, тайна, власть и насилие.

Отрицание кардиналом духа свободы

В поэме Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» противостояние его, неистового богоборца, и его пошлого антагониста (чёрта) пролонгировано в отношениях Христа и престарелого кардинала Великого Инквизитора, по распоряжению которого Иисус заточён в тюрьму. Исследованию этой поэмы посвящена специальная глава «Великий Инквизитор» в философско-критическом труде Н. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность»¹ и работа

В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского»². Поэтому в анализе поэмы мы будем опираться преимущественно на эти источники.

В ответе Христу иезуит, по определению Н. Лосского, «представитель грандиозного титанического богоборчества», полный «горделивого презрения к человеку»³, критикует самопожертвование Иисуса во имя свободы человечества и противопоставляет ему как един-

¹ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»].

² Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // ВЪхи: Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы (URL: <http://www.vehinet/rozanov/legenda.html>). [Дата обращения: 22.09.2012].

³ Лосский Н. Бог и мировое зло / Сост. А. Поляков, П. Алексеев, А. Яковлев; Прим. Р. Медведевой. М., 1994. С. 217.

ственно возможную, пришедшую на смену его учению идею католицизма, то есть идею государственной власти и насилия. Смысл речи Инквизитора Розанов видит в попытке приспособить христианскую идею к католичеству и тем самым якобы благополучно уравнивать в правах материальные потребности человека с духовными⁴. Очевидно, что в подобном стремлении кардинала ревизовать стержневую идею христианства проступает не что иное, как жажда всеобъемлющей власти.

Подобный отказ от традиционного религиозно-этического идеала, в котором, по наблюдению М. Полетаевой, была сосредоточена мистическая сопричастность Богу, означал для Достоевского утрату русской самобытности и национального о ней представления⁵. Такой разрушительный, на наш взгляд, ариманический процесс Полетаева квалифицирует как утрату «полноты бытия», которая «переживается как противоестественное движение нации, культуры к небытию, смерти»⁶.

Исходя из намерения Инквизитора разрушить идеал святости, основанный на любви к Богу, и лишить человечество свободы⁷, кардинал в нашем понимании предстаёт как *преступник по убеждению*, который верит в свою концепцию несения

людям счастья⁸, а мотивом его преступления является борьба за власть.

Для её осуществления у него разработаны понятия трёх иезуитских искушений. *Первое* — это попытка *уничтожить понятие свободы*, в связи с чем он осмеивает стремление Иисуса освободить людей и цинично замечает, что католичество немало потрудились, чтобы обмануть их в осмыслении понятия свободы: «... теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили её к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?» (т. 11, с. 296)⁹. По справедливому суждению Розанова, иезуит «отвергает, как невозможное, построение земных судеб человека на заветах Спасителя и, следовательно, утверждает необходимость построения их на каких-то *иных* началах [о чём речь пойдёт ниже. — Г.К.]»¹⁰.

Объясняя изменение психологии людей в понимании свободы, Инквизитор, как пример, приводит происшедшую перемену в своём собственном сознании, в результате чего он заявляет, что не боится Христа, не хочет служить его безумию. Здесь у кардинала проявляется искажённое чувство гуманизма, которое, по определению С. Смержко, вывернуто наизнанку. Оно «заставляет Инквизитора принять не только первое, но второе и третье искушения. Христос отказался дать людям очевидное, вечное чудо, которое подчинило бы себе людей своей обязательностью и объективностью. В христианстве главное чудо — вера, требующая подвига, упования на «вещи невидимые». И это представляется Инквизитору недопустимым аристократизмом»¹¹.

⁴ См.: Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // ВЪхи: Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы (URL: <http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html>. [Дата обращения: 22.09.2012]).

⁵ С. Смержко пишет, что «католический священник эпохи инквизиции использует для изложения своей системы и для убеждения в её правильности слова не Христа, а антихриста. И сама инквизиция предстаёт в романе идеей лишения свободы, подчинением души ради счастья и покоя» (Смержко С. Художественная эсхатология в романах Ф.М. Достоевского 1860–1870-х годов. Дисс. ... канд. филол. н. Краснодар, 2007. С. 184–185).

⁶ Полетаева М. Психологическая мотивация оправдания идеала в русской религиозной философии XIX — начала XX века // Российская ментальность: теоретические проблемы. Материалы научной конференции 15–16 мая 2003 года / Науч. ред.: Л. Жаркова, В. Чередниченко; Редколл.: А. Аронов, В. Тихонова, Н. Чернышова. М., 2003. С. 62.

⁷ По справедливому наблюдению И. Лосевой, «Инквизитор, взяв на себя решать за других, какая жизнь им нужна, отобрал у людей выбор и, в конечном счёте, свободу. Принудительное добро — это уже не добро» (Лосева И. Бунт против насилия в творчестве Ф.М. Достоевского // Русские мыслители / Науч. ред. И. Лосева. Ростов н/Д, 2003. С. 200).

⁸ В классификации немецкого криминолога Г. Шнайдера такой преступник уверен в необходимости совершаемых им правонарушений для блага общества и государства (цит. по: Современные подходы к классификации политических преступников (URL: <http://www.tpbazis.ru/pages&id=6&pr=2>. [Дата обращения: 05.10.2012]).

⁹ Здесь и далее ссылки даются в тексте по изд.: Достоевский Ф. Братья Карамазовы: Роман в четырёх частях с эпилогом / Под общ. ред. Г. Фридендера и М. Храпченко; Сост. Г. Фридендера // Собрание сочинений в 12 томах. Т. 11–12. М., 1982.

¹⁰ Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // ВЪхи: Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы (URL: <http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html>. [Дата обращения: 22.09.2012]).

¹¹ Смержко С. Художественная эсхатология в романах Ф.М. Достоевского 1860–1870-х годов. Дисс. ... канд. филол. н. Краснодар, 2007. С. 185.

В результате изменения отношения Инквизитора к деяниям Христа он, по сути, ревизовал его подвиг, «примкнул к сонму тех, которые *исправили*» его (с. 306). Комментируя это кредо, Бердяев пишет, что «исторические силы, вдохновляемые духом Великого Инквизитора, “исправили подвиг” Христа, делали своё дело, прикрываясь Его именем»¹².

Понятию свободы, считая его вредным для человечества, кардинал и Римская церковь, воспользовавшись после Христа правом преемственности, предпочли понятие счастья (без свободы!): «разве бунтовщики могут быть счастливыми?.. ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришёл нам мешать?» (с. 296). Бердяев же считает, что «предвечная свобода человека, абсолютное достоинство его, связь с вечностью выше всякого устройства, всякого успокоения, всякого благополучия, всякого недостойного, слабого, жалкого счастья»¹³.

Продолжая заниматься казуистикой, прелат в экстазе восклицает: «О, мы убедим их [бунтовщиков. — Г.К.], что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся... они сами убедятся, что правы, ибо вспомнят, до каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода твоя» (с. 304). Великий Инквизитор предвидит якобы устрашающие последствия свободы: «Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: “Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих”» (с. 304).

В своих преступных замыслах кардинал выделяет три намерения католической церкви переоценить деяния Христа. В этой переоценке проясняется дьявольская сущность католицизма, который вызывает недвусмысленные ассоциации с чёртом, искушавшим Иисуса в пустыне. Прежде всего Ве-

ликий Инквизитор опровергает идею воспитания Христом *чувства свободы*, освящённой высокой нравственностью¹⁴, предлагая взамен свободу, одобренную материальными благами. (Такая трактовка свободы расходится с пониманием её Достоевским, у которого свобода в слиянии с нравственными устремлениями является основополагающей идеей. А. Гулыга убеждён, что никто глубже и ярче не выразил «идею сочетания свободы воли с абсолютным моральным законом, чем это сделал Достоевский в “Легенде о Великом Инквизиторе”»¹⁵.)

Старец советует Иисусу обратить камни раскалённой пустыни в хлеба, и тогда, согласно иезуиту, человечество станет покорным¹⁶, «за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои» (с. 297–298). Но в том-то и дело, что человечество кардинал под прикрытием истинной к нему любви воспринимает как стадо, которое использует в своих дьявольских целях (эту мысль в разоблачении Инквизитора высказывал Бердяев¹⁷).

Инквизитор утверждает также, что на вопли человечества накормить его церковь откликнется и, прикрываясь именем Христа, во имя его солжёт и накормит людской род (с. 298). (Соизмеряя деятельность инквизиции с современной церковью, Бердяев изобличает и тех, и других, обвиняя их в дуалистическом мышлении¹⁸.)

¹⁴ Религиозную духовность, иногда приближавшуюся к христианской, С. Булгаков считал качеством, отличавшим русского интеллигента от западноевропейского мещанства (Булгаков С. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Булгаков С. Героизм и подвижничество. М., 1932. С. 112–113).

¹⁵ Гулыга А. От редактора // Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А. Гулыги; Пер. с нем. И. Андреевой. М., 1996. С. 6.

¹⁶ «План руководства людьми Великого Инквизитора, — пишет Н. Лосский, — состоит в том, чтобы дать людям хлеб земной, но вместе с тем и успокоить совесть, взяв, по совету “умного духа”, всю власть и всю ответственность в свои руки» (Лосский Н. Бог и мировое зло / Сост. А. Поляков, П. Алексеев, А. Яковлев; Прим. Р. Медведевой. М., 1994. С. 218).

¹⁷ См.: Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»]. С. 69.

¹⁸ См.: Бердяев Н. Введение: Мистика и религия // Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность

¹² Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»]. С. 59.

¹³ Там же. С. 61.

С иезуитским благодушием он якобы проявляет заботу даже о самых слабых, рассчитывая на то, что и они превратятся в послушных церкви рабов. Согласно его концепции, церкви дороги и слабые, поскольку более послушны (см.: с. 299). Эту мысль Великого Инквизитора Бердяев комментирует как раз напротив: как выражение его презрения к людям¹⁹.

Исходя из откровения иезуита, становится очевидным его стремление исказить подвиг Христа²⁰, который ещё в XIX веке и, в частности в романе «Братья Карамазовы» был мерилом нравственности. Поэтому мы считаем необходимым уточнить высказывание Н. Бирюзовой, считающей, что «в XIX веке мотив Второго Пришествия становится одним из эстетических центров романов “Идиот” и “Братья Карамазовы” Ф.М. Достоевского. Писатель таким образом создаёт второе пространство, эстетическое и идеологическое, где он показывает свой идеал в воплощении образа Христа»²¹.

На наш взгляд, тема и образ Христа в отмеченных романах Достоевского прежде всего является этикоцентрирующей и этикомоделирующей их концепцию, драматургию и всю образную систему, потому что для писателя в первую очередь была важна нравственная сущность проблемы, которая во вторую очередь оказывалась ещё и прекрасной.

/ Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. С. 50.

¹⁹ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»]. С. 67.

²⁰ Р. Гуардини это искажение видит в том, что «благодатная сущность христианства заменяется техникой покорения души, а позади неё таится нечто ещё более страшное, именно демоническая воля наложить руку на самого Бога. Выражение всего этого, согласно такому толкованию, есть католическая Церковь, которой противостоит религия свободы, духа любви и живой христианской полноты сердца» (цит. по: Лосский Н. Бог и мировое зло / Сост. А. Поляков, П. Алексеев, А. Яковлев; Прим. Р. Медведевой. М., 1994. С. 220).

²¹ Бирюзова Н. Мотив «Второго Пришествия Христа» в русской литературе XIX–XX вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2010. 186 с. (URL: <http://www.disserscat.com/content/motiv-vtorogo-prishestviya-khrista-v-russkoi-literature-xix-xx-vv>. [Дата обращения: 29.10.2012]).

Обожествление Инквизитором трёх сил — авторитета, чуда и тайны

Цель Великого Инквизитора, держащего народ в подчинении, заставить также обожествлять его единственные, по мнению иезуита, три силы на земле — авторитет, чудо и тайну. (Последнее Алексей Кармазов переводит для себя как «секрет», расшифровывая его здесь словом «безбожие», а Инквизитора — безбожником — см.: т. 11, с. 308²².)

В пропагандистской установке старца такое обожествление трёх сил является вторым искушением народа, которое для его же счастья может его покорить, «навечно победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков» (с. 301). Поэтому Инквизитор упрекает Христа в стремлении породить свободную любовь и веру в Бога (характерная для Достоевского идея свободной совести, нашедшая, согласно Ю. Селезнёву, прямое выражение в его романах-пророчествах²³).

Кардинал утверждает, что если человечество лишит чуда, то тогда оно отвернётся от Бога и навдумывает себе других чудес, самопроизвольных, начав поклоняться знахарскому или бабьему колдовству, поскольку без чуда человек, по мнению иезуита, жить не может. Бердяев же уверен, что всякое отрицание свободы совести и даже мистической свободы как раз и ведёт к искушению «чудом, тайной и авторитетом», которые Великий Инквизитор стремится возвести в культ²⁴.

По откровению старца, церковь, заставляя народ повинаться слепо, даже «мимо его совести», подкорректировала деяния Христа и основала его на чуде, тайне и авторитете. Но именно последнее понятие всегда было близко Римской Церкви. Оно, как пишет Розанов, «было причиной гораздо большей её нетерпимости ко всяким отступлениям от догмы, нежели какая была присуща другим Церквам»²⁵.

²² В конечном счёте «секрет чёрта» Ю. Селезнёв в контексте всего романа «Братья Карамазовы» квалифицирует как «секрет инквизитора» (Селезнёв Ю. В мире Достоевского. М., 1980. С. 279. [Библиотека «Любителям российской словесности»]).

²³ См.: Там же. С. 271.

²⁴ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»]. С. 71.

²⁵ Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // ВЪхи: Библиотека русской религиозно-философ-

Такая акция якобы обрадовала людей, «что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный удар, принёсший им столько муки» (с. 303)²⁶. В подобном откровении Инквизитора не могло не проступить чувство усталости, характерное для «позднего» Достоевского. Вместе с тем писатель, показав ариманическую подоплёку иезуитской ревизии подвига Христа, поставил здесь *проблему веры как моральной ценности*. Об этой проблеме как уникальном явлении писал Э. Соловьёв: «Хотел или не хотел того сам Достоевский, но через образ Ивана Карамазова он поставил вопрос о нерелигиозном значении веры, о вере как чисто моральном акте. В произведениях Достоевского (прежде всего в легенде о Великом Инквизиторе, которая отнюдь не случайно вложена в уста Ивана) присутствует мысль о том, что в реальной исторической религии подлинная вера есть явление редкое, возможно экстраординарное, что она постоянно замещается и подавляется здесь такими действительно типичными отношениями к богу, как упование и страх»²⁷.

Разве в этом управлении людьми как стадом не выражена любовь церкви к народу, вопрошает Христа Инквизитор. Иисус же, по мнению иезуита, только мешает католической церкви. Старик отказывается от его любви, потому что, по собственному откровению, не любит его сам.

В таком убийственно чистосердечном признании кардинала Великого Инквизитора — его нелюбви к Богу — выражена чуждая христианству ригорическая мораль, лишённая любви к человеку. Лосский, характеризуя такую мораль, писал, что «“Великий Инквизитор”, социальный информатор, желающий *исправить* подвиг Христа, не веря в Бога и бессмертие, не допускает возможности абсо-

лютного добра. Поэтому он ставит себе целью дать людям “тихое, смиренное счастье слабосильных существ, какими они и созданы”, соединив их всех “в бесспорный общий и согласный муравейник”. Для этого ему нужно усыпить совесть человека, принизить его идеал и вытравить в нём жажду совершенной свободы»²⁸.

Однако подобная мораль неизбежно ведёт к бунту, поскольку человек, как бы его не усмиряли в общем социуме, будет верен своему идеалу, основанному на вечных нравственных ценностях. Лосский справедливо считает, что «совесть человека, сколько бы её не усыпляли преходящими благами, рано или поздно всегда заговорит в защиту этого идеала, и потому человек в земных условиях никогда не успокоится, всегда будет бунтовать против того, что препятствует или кажется препятствующим достижению идеала». *А там, где нет нравственного идеала, в права вступает циничная «философия» дьявола.*

Возведение в культ порабощения человечества и государственного единовластия

Третье искушение вытекает из отречения Инквизитора от Христа (этот замысел Г. Фридлиндер верно комментирует как отказ от человечности²⁹) и связывается с вопросом о государстве: «Мы давно уже не с тобою, а с ним, уже восемь веков» (с. 303). (В этом признании Ю. Селезнёв уточняет, что «с ним» — это значит с дьяволом³⁰. В русской философско-религиозной мысли считалось, что не церковь должна была преобразиться в государство, а наоборот, государство — в церковь³¹.)

Раскрывая эту тайну Христу, иезуит, изображая сочувствие заключённому, почти по-отечески журит его. Если бы Иисус внял совету могучего духа — своего Отца [создать подобный тип государства. — Г.К.], то Христос удовлетворил бы все,

ской и художественной литературы (URL: <http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html>. [Дата обращения: 22.09.2012]).

²⁶ Трудно согласиться с литератором С. Лурье, полагавшим, что Великий Инквизитор в легенде Ивана Карамазова вовсе не противопоставляется как олицетворение зла, он фактически «говорит не от имени католичества, не от имени церкви, даже не от имени религии. Он защищает норму, веление, закон в самом общем и глубоком смысле этих понятий» (Лурье С. Религиозная мистика и философия / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. С. 308). Однако в действительности здесь речь идёт о порабощении всего человечества.

²⁷ Соловьёв Э. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М., 1991. С. 229.

²⁸ Лосский Н. Бог и мировое зло / Сост. А. Поляков, П. Алексеев, А. Яковлев; Прим. Р. Медведевой. М., 1994. С. 123–124.

²⁹ Фридлиндер Г. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 360. [Библиотека «Произведений, удостоенных Государственной премии СССР»].

³⁰ См.: Селезнёв Ю. В мире Достоевского. М., 1980. С. 279. [Библиотека «Любителям российской словесности»]. С. 279. Нам же представляется, что «с ним» — это с государством.

³¹ Соловьёв С. Владимир Соловьёв. Жизнь и творческая эволюция / Послел. П. Гайденоко; Подгот. Текста И. Вишневецкого. М., 1997. С. 180.

сходящиеся в одном запросы человека, — он бы тогда знал, «пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей» (с. 303). Эту сладкую грёзу в речи кардинала Бердяев квалифицирует как соблазн католичества папозезаризмом и православия — цезарепапизмом³². По его мнению, третье искушение является самым могущественным, оно «есть путь человековластия, всё равно — власти одного, многих или всех, есть обоготворение государства как окончательного соединения и устроения на земле»³³.

Однако Христос не искал того, перед кем склониться в повиновении, и не ждал общечеловеческого смирения, а проповедовал, как справедливо считал Бердяев, «всемирную борьбу для последнего освобождения и спасения мира, для раскрытия Смысла мира. Всякий поднявший “меч Кесаря” восстал уже на Христа»³⁴. Такой образ Иисуса как глашатая морали, «морального реформатора, учителя новой нравственности, проповедью которой он надеется гармонизировать человека, свести мир с гибельных путей», С. Семёнова справедливо считает истинным³⁵.

Тем не менее, при всём сочувствии Иисусу церковь в действительности, оснащённая карательной системой государства, давно живёт в союзе с ним, а человечество в вопросах о государстве, совести и хлебе слушает, по мнению Бердяева, «не Христа, а его, искушавшего в пустыне [то есть дьявола. — Г.К.]»³⁶. Исходя из этого, Бердяев утверждает, что в легенде о «Великом Инквизиторе» никогда ещё с такой беспощадной откровенностью не было разоблачено стремление инквизиции соединиться с государственной властью, в реализации кото-

рого он усматривает проявление антихристских, а в конечном счёте сатанинских деяний церкви³⁷. Такой смысл вытекает из слов старого кардинала: «ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за ним» (с. 304).

В данном откровении иезуита разрушаются мечты русской интеллигенции о лучшем мире и спасении человечества. (С. Булгаков заострял внимание на том, что «известная немирность, эсхатологическая мечта о Граде Божиим, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества — если не от греха, то от страданий — составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции»³⁸).

Ариманические черты Великого Инквизитора достигают кульминации в его речи, когда он предвидит будущую жизнь человечества как мирного, подчинённого ему, растленного стада, и свою руководящую в нём роль, несущего всем умиротворение: «стадо вновь соберётся и вновь покорится, и уже раз навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы» (с. 305). Плачевные результаты посулов иезуита Бердяев видит уже на практике: «люди, пленённые младенческим счастьем Великого Инквизитора, окажутся рабами, жалкими существами и ощутят потребность в окончательном подчинении». Учёный пророчески говорит, что «человечество, превратившись в стадо, успокоится, перестанет кичиться, поклонится в конце Великому Инквизитору, и будет восстановлено единовластие»³⁹.

Роняя попутно упрёк Христу в том, что он вознёс людей «и тем научил гордиться», прелат убеждён, что совместно с католичеством докажет им их духовную немощность, что «они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого» (с. 305). При этом церковь сама

³² См.: Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»]. С. 72–73.

³³ Там же. С. 73.

³⁴ Там же. С. 74.

³⁵ Семёнова С. «Всю ночь читал я Твой Завет...»: Образ Христа в современном романе // Новый мир. 1989. № 11. С. 232.

³⁶ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»]. С. 73.

³⁷ Там же. С. 74.

³⁸ Булгаков С. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Булгаков С. Героизм и подвижничество. М., 1932. С. 114.

³⁹ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»]. С. 77.

будет определять, что является грехом, а что нет. По иезуитскому предвидению будущего царства с грехом, оно мыслится с соответствующими индальгенциями: «мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмём на себя» (с. 305).

Однако Достоевский был убеждён, что не кто-то, а сам народ творит своё будущее и спасает мир: «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нём-то, и только в нём одном, и заключается спасение мира, что живёт он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной»⁴⁰.

В неверии Великого Инквизитора в человеческие силы Бердяев усматривает «страшное пророчество духа зла», в котором ощущает «дьявольский дух небытия»⁴¹. Местоимение «мы», которым усердно пользуется иезуит, учёный расшифровывает как «он», дух самого Инквизитора, «дьявол, искушавший Христа в пустыне»⁴². Но, главное, в речи старца сам он совместно с церковью представляется ещё и жертвой: «все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны» (с. 306). Как это по-иезуитски! И Иисуса они не забудут. Чтоб не мешал всеобщему счастью, они, опираясь на «послушное стадо», сожгут его как возмутителя спокойствия, еретика, потому что, по убеждению Инквизитора, если и есть, «кто всех более заслужил наш костёр», то это Христос. По поводу этого аутодафе Булгаков писал, что Великий Инквизитор хотел сжечь Христа не зря, потому что концепция кардинала явилась отрицанием идей христианства, основная идея которого состояла в этической равноценности всех лю-

дей, сформулированной как «равенство всех перед Богом» и признававшей в каждом человеке полную правную нравственную личность»⁴³.

В итоге, *если чёрт в споре с Иваном Карамазовым, представляя подземный мир, завоёвывал души поштучно и потому старался заполучить желательную совестливую душу в отдельности, то кардинал в своих мечтах о единовластии видит преобразованное «счастливое» общество в масштабах всего мира, причём без угрызений совести, с сожжённым за ненадобностью Христом. Поэтому в цинизме такого вселенского размаха кардинал Великий Инквизитор оказывается страшнее обычного дьявола, представляя собой всепокрушительную ариманическую силу.*

В подобном посягательстве на духовные ценности христианской религии обнаруживается явление, которое обычно возникает в результате нарушения связи между ядром культуры⁴⁴ и её «защитным поясом». Такой пояс образуется иерархией светских эталонов. К ним О. Кузнецов относит «идеологические доктрины, зачастую претендующие на замещение религиозных идеалов (так называемые светские религии), а также деидеологизированные построения, порождаемые повседневностью или вырабатываемые научным сообществом»⁴⁵. Подобное явление Кузнецов определяет как «потрясение сакрального базиса культуры»⁴⁶.

⁴³ Булгаков С. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип): Публичная лекция // ВЪхи: Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы (URL ссылки: <http://www.vchi.net/bulgakov/karamaz.html>. [Дата обращения: 25.09.2013]).

⁴⁴ Ядро культуры О. Кузнецов, ссылаясь на М. Хайдеггера, объясняет как иерархию церковно-духовных ориентиров, «священных идеалов, укоренённость культуры в вечном и неизменном» (Кузнецов О.В. Истоки и смысл «катастрофического» сознания в западной культуре. Дисс. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет имени А.М. Горького, 2000. 234 с. (URL: <http://www.dissercat.com/content/istoki-i-smysl-katastroficheskogo-soznaniya-v-zapadnoi-kulture>). [Дата обращения: 29.12.2012]).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Такой процесс О. Кузнецов обозначает термином «десакрализация», т.е. развенчание устоявшихся идеалов. По его определению, «сакрализация есть процесс приближения к Абсолюту (истинная, неизменная, гармоничная реальность, первоисточник всего сущего), к полноте бытия, и близость к Абсолюту. Десакрализация как противоположный процесс есть отдаление от Абсолюта, от сверхчувственных первоисточников бытия, отдалённость от Абсолюта и отторжение Абсолюта» (там же).

⁴⁰ Достоевский Ф. Дневник писателя. Январь, 1877 // Фёдор Достоевский. Российские судьбы: Жизнеописание, факты, гипотезы, портреты и документы в 30 книгах / Сост. М. Кузнецова; С. Вабури — предс. редколл.; Б. Рыбаков — науч. рук. М., 1997. С. 503. [Серия «РОСС — Российские судьбы»].

⁴¹ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю. Божко, А. Гофман, В. Сапов [зам. пред.], Л. Чибисенков [председатель]; Сост. и коммент. В. Сапова. М., 1999. [Серия «История в философских памятниках»]. С. 75.

⁴² Там же. С. 75.

В соответствии с таким потрясением, которое вызывает Великий Инквизитор, он представляется авторитарным политическим мошенником⁴⁷ и профессиональным типом преступника с психологией властителя мира, готового ради удержания своего статуса на любые моральные преступления — спекуляцию учением Христа, заточение его в тюрьму с запланированным физическим уничтожением. При всей парадоксальности Великий Инквизитор в своих бинарно-архетипических отношениях с Христом, несмотря на своё властное превосходство, производит более шизофреническое впечатление, чем Иван Карамазов, беседующий со своим двойником.

В целом и явленный Карамазову чёрт, и Великий Инквизитор оказываются источниками катастрофизма, а сам Иван — его жертвой и носителем в одновременности. Тем не менее, всех троих объединяет безверие в общепризнанные идеалы и противопоставление им своих собственных, опасных для общества, поскольку для православного человека религия без Христа — это нонсенс, абсурд, нелепость, свидетельству-

ющие о произошедшем в сознании человека катастрофизме⁴⁸, в то время как образ Бога для России всегда служил мерилем духовности и нравственной чистоты. Б. Тихомиров справедливо считает, что «сверхзадача», которую писатель [Достоевский. — Г.К.] ставил перед собой в своих гениальных созданиях, — это именно раскрытие сокровенных глубин русской души, явление «сияющего образа» истинного Христа в Его первоначальной евангельской чистоте и тем самым указание путей утратившему религиозно-духовные ориентиры миру»⁴⁹.

Однако утратившие духовные ориентиры у Достоевского пытаются провести ценностную ревизию, причина которой у каждого своя. У чёрта как антихриста — она бытует на генетическом уровне, у Инквизитора — сложилась в борьбе за власть, у Карамазова — носит социальный характер и, как следствие, — влечёт за собой переосмысление мирового устройства. Но проблемной болевой точкой у всех является одна — сомнительность нравственных позиций у Карамазова и их отсутствие у чёрта и Великого Инквизитора.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Введение: Мистика и религия // Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю.В. Божко, А.Б. Гофман, В.В. Сапов (зам. пред.), Л.С. Чибисенков (председатель); Сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Канон+ ОИ «Реабилитация», 1999. С. 7–57. [Серия «История в философских памятниках»].
2. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю.В. Божко, А.Б. Гофман, В.В. Сапов (зам. пред.), Л.С. Чибисенков (председатель); Сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Канон+ОИ «Реабилитация», 1999. 464 с. [Серия «История в философских памятниках»].
3. Бирюзова Н.А. Мотив «Второго Пришествия Христа» в русской литературе XIX–XX вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2010. 186 с. (URL: <http://www.dissercat.com/content/motiv-vtorogo-prishestviya-khrista-v-/russkoi-literature-xix-xx-vv>).

⁴⁷ Понятие политического мошенника принадлежит П. Кабанову. По его определению, — это «лицо, использующее обман или злоупотребление доверием в качестве средства достижения политических целей» (Кабанов П. Политическая преступность. Автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 2008 // Бесплатная электронная библиотека. (URL ссылки на автореферат: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-yuridicheskie/a373.php>) [Дата обращения: 26.12.2012]).

⁴⁸ С. Смержко пишет, что в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» образы всемирной катастрофы получают особое значение, поскольку они «воплощают идею атеистической революции как общественной формы решения “вечных вопросов”; усиливается идея неизбежной причастности России к одному из Апокалипсисов — положительному или отрицательному, победному для сил добра или катастрофическому для этих сил» (Смержко С. Художественная эсхатология в романах Ф.М. Достоевского 1860–1870-х годов. Дисс. ... канд. филол. н. Краснодар, 2007. С. 15).

⁴⁹ Тихомиров Б. Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского: Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии. Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 567 с. (URL: <http://www.dissercat.com/content/religioznye-aspekty-tvorchestva-fm-dostoevskogo-problemy-interpretatsii-kommentirovaniya-tek>). [Дата обращения: 11.06.2013]).

4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская нива, 1932. С. 106–172.
5. Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип: Публичная лекция // ВЪхи: Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы (URL ссылки: <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html>).
6. Гулыга А.В. От редактора // Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги; Пер. с нем. И.С. Андреевой. М.: Республика, 1996. С. 5–10.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман в четырёх частях с эпилогом / Под общ. ред. Г.М. Фридендера и М.Б. Храпченко; Сост. Г.М. Фридендера // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. 624 с.; Т. 12. 544 с. М.: Правда, 1982. [Серия «Библиотека “Огонёк”. Отечественная классика»].
8. Достоевский Ф. Дневник писателя. Январь, 1877 // Фёдор Достоевский. Российские судьбы: Жизнеописание, факты, гипотезы, портреты и документы в 30 книгах / Сост. М. Кузнецова; С. Бабурин — предс. редколл.; Б. Рыбаков — науч. рук. М., 1997. С. 490–521. [Серия «РОСС — Российские судьбы»].
9. Кабанов П.А. Политическая преступность. Автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2008 // Бесплатная электронная библиотека (URL ссылки на автореферат: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-yuridicheskie/a373.php>).
10. Кузнецов О.В. Истоки и смысл «катастрофического» сознания в западной культуре. Дисс. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет имени А.М. Горького, 2000. 234 с. (URL: <http://www.dissercat.com/content/istoki-i-smysl-katastroficheskogo-soznaniya-v-zapadnoi-kulture>).
11. Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Сост. А.П. Поляков, П.В. Алексеев, А.А. Яковлев; Прим. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1994. 432 с.
12. Полетаева М.А. Психологическая мотивация оправдания идеала в русской религиозной философии XIX — начала XX века // Российская ментальность: теоретические проблемы / Материалы науч. конф. 15–16 мая 2003 года / Науч. ред.: Л.С. Жаркова, В.И. Чередниченко; Редколл.: А.А. Аронов, В.А. Тихонова, Н.М. Чернышова. М.: Московский государственный университет культуры и искусств, 2003. С. 58–62.
13. Лурье С.В. Религиозная мистика и философия // Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Редколл.: Ю.В. Божко, А.Б. Гофман, В.В. Сапов (зам. пред.), Л.С. Чибиженков (председатель); Сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Канон+ ОИ «Реабилитация», 1999. 464 с. [Серия «История в философских памятниках»].
14. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // ВЪхи: Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы (URL статьи: <http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html>).
15. Семёнова С.Г. «Всю ночь читал я Твой Завет...»: Образ Христа в современном романе // Новый мир. 1989. № 11. С. 229–244.
16. Современные подходы к классификации политических преступников (URL: <http://www.tpbasis.ru/pages&id=6&p=2>).
17. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция / Послел. П.П. Гайдено; Подгот. текста И.Г. Вишневецкого. М.: Республика, 1997. 431 с.
18. Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. 432 с.
19. Сморгжко С.Н. Художественная эсхатология в романах Ф.М. Достоевского 1860–1870-х годов. Дисс. ... канд. филол. н. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007. 201 с.
20. Тихомиров Б.Н. Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского: Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии. Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб.: Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, 2006. 567 с. (URL: <http://www.dissercat.com/content/religioznye-aspekty-tvorchestva-fm-dostoevskogo-problemy-interpretatsii-kommentirovaniya-tek>).
21. Фридендер Г.М. Достоевский и мировая литература. Л.: Советский писатель, 1985. 456 с. [Библиотека произведений, удостоенных Государственной премии СССР].

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Vvedenie: Mistika i religiya // Berdyaev N.A. Novoe reli-gioznoe soznanie i obshchestvennost' / Redkoll.: Yu.V. Bozhko, A.B. Gof-man, V.V. Sapov (zam. pred.), L.S. Chibisenkov (predsedatel'); Sost. i komment. V.V. Sapova. M.: Kanon+ OI «Reabilitatsiya», 1999. S. 7–57. [Seriya «Istoriya v filosofskikh pamyatnikakh»].
2. Berdyaev N.A. Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost' / Redkoll.: Yu.V. Bozhko, A.B. Gofman, V.V. Sapov (zam. pred.), L.S. Chibisenkov (predsedatel'); Sost. i komment. V.V. Sapova. M.: Kanon+ OI «Reabilitatsiya», 1999. 464 s. [Seriya «Istoriya v filosofskikh pamyatnikakh»].
3. Biryuzova N.A. Motiv «Vtorogo Prishestviya Khrista» v russkoi literature XIX–XX vv. Diss. ... kand. filol. nauk. M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2010. 186 s. (URL: <http://www.dissercat.com/content/motiv-vtorogo-prishestviya-khrista-v-russkoi-literature-xix-xx-vv>).
4. Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshlenii o religioznoi prirode russkoi intelligentsii) // Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo. M.: Russkaya niva, 1932. S. 106–172.
5. Bulgakov S.N. Ivan Karamazov (v romane Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy») kak filosofskii tip): Publichnaya lektsiya // VĖkhi: Biblioteka russkoi religiozno-filosofskoi i khudozhestvennoi literatury (URL ssylki: <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html>).
6. Gulyga A.V. Ot redaktora // Laut R. Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskom izlozhenii / Pod red. A.V. Gulygi; Per. s nem. I.S. Andreevoi. M.: Respublika, 1996. S. 5–10.
7. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy: Roman v chetyrekh chastyakh s epi-logom / Pod obshch. red. G.M. Fridlendera i M.B. Khrapchenko; Sost. G.M. Fridlendera // Dostoevskii F.M. Sobranie sochinenii v dvenadtsati tomakh. T. 11. 624 s.; t. 12. 544 s. M.: Pravda, 1982. [Seriya «Biblioteka “Ogonek”. Otechestvennaya klassika»].
8. Dostoevskii F. Dnevnik pisatelya. Yanvar', 1877 // Fedor Dostoevskii. Rossiiskie sud'by: Zhizneopisaniya, fakty, gipotezy, portrety i dokumenty v 30 knigakh / Sost. M. Kuznetsova; S. Baburin — preds. redkoll.; B. Rybakov — nauch. ruk. M., 1997. S. 490–521. [Seriya «ROSS — Rossiiskie sud'by»].
9. Kabanov P.A. Politicheskaya prestupnost'. Avtoref. diss. ... d-ra yur. nauk. Ekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2008 // Besplatnaya elektronnyaya biblioteka (URL ssylki na avtoreferat: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-yuridicheskie/a373.php>).
10. Kuznetsov O.V. Istoki i smysl «katastroficheskogo» soznaniya v zapadnoi kul'ture. Diss. ... d-ra filos. nauk. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet imeni A.M. Gor'kogo, 2000. 234 s. (URL: <http://www.dissercat.com/content/istoki-i-smysl-katastroficheskogo-soznaniya-v-zapadnoi-kulture>).
11. Losskii N.O. Bog i mirovoe zlo / Sost. A.P. Polyakov, P.V. Alekseev, A.A. Yakovlev; Prim. R.K. Medvedevoi. M.: Respublika, 1994. 432 s.
12. Poletaeva M.A. Psikhologicheskaya motivatsiya opravdaniya ideala v russkoi religioznoi filosofii XIX — nachala KhKh veka // Rossiiskaya mental'nost': teoreticheskie problemy / Materialy nauch. konf. 15–16 maya 2003 goda / Nauch. red.: L.S. Zharkova, V.I. Cherednichenko; Redkoll.: A.A. Aronov, V.A. Tikhonova, N.M. Chernyshova. M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv, 2003. S. 58–62.
13. Lur'e S.V. Religioznaya mistika i filosofiya // Berdyaev N.A. Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost' / Redkoll.: Yu.V. Bozhko, A.B. Gofman, V.V. Sapov (zam. pred.), L.S. Chibisenkov (predsedatel'); Sost. i komment. V.V. Sapova. M.: Kanon+ OI «Reabilitatsiya», 1999. 464 s. [Seriya «Istoriya v filosofskikh pamyatnikakh»].
14. Rozanov V.V. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo // VĖkhi: Biblioteka russkoi religiozno-filosofskoi i khudozhestvennoi literatury (URL stat'i: <http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html>).
15. Semenova S.G. «Vsyu noch' chital ya Tvoi Zavet...»: Obraz Khrista v sovremennom romane // Novyi mir. 1989. № 11. S. 229–244.
16. Sovremennyye podkhody k klassifikatsii politicheskikh prestupnikov (URL: <http://www.tpbazis.ru/pages&id=6&p=2>).
17. Solov'ev S.M. Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya / Poslesl. P.P. Gaidenko; Podgot. teksta I.G. Vishnevetskogo. M.: Respublika, 1997. 431 s.
18. Solov'ev E.Yu. Proshloe tolkuet nas: Ocherki po istorii filosofii i kul'tury. M.: Politizdat, 1991. 432 s.
19. Smorzhenko S.N. Khudozhestvennaya eskhatologiya v romanakh F.M. Dostoevskogo 1860–1870-kh godov. Diss. ... kand. filol. n. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2007. 201 s.
20. Tikhomirov B.N. Religioznye aspekty tvorchestva F.M. Dostoevskogo: Problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii. Diss. ... d-ra filol. nauk. SPb.: Literaturno-memorial'nyi muzei F.M. Dostoevskogo, 2006. 567 s. (URL: <http://www.dissercat.com/content/religioznye-aspekty-tvorchestva-fm-dostoevskogo-problemy-interpretatsii-kommentirovaniya-tek>).
21. Fridlender G.M. Dostoevskii i mirovaya literatura. L.: Sovetskii pisatel', 1985. 456 s. [Biblioteka proizvedenii, udostoennykh Gosudarstvennoi premii SSSR].